Алексей Ивлев

226063 Рига
Маскавас, 259 А, 1, 26

Прибор

стихотворения

рисунки автора

x x x

Ливония... Турайдских роз полет
и Шенберга безумные сверчки...

Здесь Гелендорф бродил полубезумный
туда-сюда. Любимейший из смертных
друг Гельдерлина, того самого, вполне
безумного... Светают лица их.

В сцепленьях перьев, в свисте бумеранга,
в сиреневой пыльце, в осколках перламутра,
в маршруте полуночника-трамвая
по Мозговым Извилинам Меня,
в мороженой и спекшейся в морозе
искусственном убитой юной рыбе
как телефон - из дремы - в центр спора -
их ч е л о в е ч е с к и е лица, их глаза -

везде
всегда...

1986 - 1988

Выбор - вне выбора

А. Е.

Память народа - трава.
Память поэтов - березы.
Что такое свеча
и причем тут неврозы?

Сигнал о беде - SOS.
Клетка - только тюрьма.
Метафора - это донос
на самого себя.

На березах всех - поперечины.
Трава ушла в косяки.
Свечи рифмуются с вечностью.
Рация знаешь с чем. Спи.

1989

x x x

В. Ф.

...и кажется даже, что люди ждут
и не умирают.

Гельдерлин

Погожий день. Глумится тать лесной, а я
на куче листьев сухих сидел
и книгу читал осторожно,
полон тихой осенней печали.

И птица древесная со мощной ветки слетела
незаметно для себя на мое плечо -
любопытство ее одолело. Но в книге
полдень спускался к истокам
по лестнице гор Альпийских,

а далее птица была уже неразличима для слов,
ибо не узнавала пейзажа. И я

прогнал ее на брег Пелопонеса.
Прогнав, я сильно загрустил, и вскоре
сам налегке отправился на небо,
на фронтовое.

И вот оно - базальтовое, семянное.

Здесь даже враги руки друг другу жмут
перед схваткой смертельной,
и капризничают божественные младенцы,
светясь чистотой... И народ - сыт и счастлив
как прежде, внизу, на земле...

И сумел я грудь разогнуть тут,
забыв о птице, не нуждаясь в капусте,
со восхитительными облаками общаясь вещими.

Благодать сошла на меня,
благодать!...

...и уснул - тихим сном сторожа неба земного.
Дай Бог тебе выложить,
дай тебе Бог.

1985

x x x

Памяти Больших Деревьев

Большие Деревья
в маскхалатиках до
музыкальных
паслись никого не калеча
в чуланчике мира горбатого

в горбатом чуланчике мира
кривого -

книжки читали хорошие
подшивки листали
опадающие

хорошо жили - дружно
не надеясь.

Трогательно большие -
что можно их трогать рукой
было - вот загадка!
И о н и в с е п о н и м а л и.

Большие Большие Деревья
паслись - как во сне? - как во сне

кирпичики голубые перекладывая
веретенца роковые крутя вертя

в светелке под крышей замка
вишневого... Ты не дерево, друг,
чтобы ТАК
держаться
за эту землю
вырубленную.

Память о Больших Деревьях
не сохранить этим птицам
материальным... Лишь
чудом... проснувшись... вне....
может быть... Там,
где ночи хрустальные -
рукой подать.

Грач с оторванной лапой
в гире бьется прозрачной
- Ч Е Р Е П -
не взлететь
- Ч Е Р Е П -
не взлететь
.... - и л е т и т
к гнездам
Больших
Волн
Расцветающих,
ибо ТАК не должно быть.
Ничего в них нет человеческого
в людях несгибаемых...
- Эх ты, недотепа.

1989

из цикла „ Ключи – имена „

1

Разглядывая репродукцию картины И.И. Левитана
„Золотая осень„ на обложке книги „Родная речь„

Нарядом девичьим сусальным
что хвастать, Осень, спозаранку?

Жених – зеленый человечек
за спинку пряча лучемет
придет звездастою тропой,
давясь улыбкой полудетской.

2

При виде копиистов японцев в Третьяковской
галерее, вспоминаю боевую песню 30-х годов

Огни знакомого двора.
Кругом халера, скарлатина.
Спят, отстрелявшись, оба сына:
Борис и Глеб, а детвора

свистит, что было силы, в гильзы.
Борис и Глеб лежат, как линзы,
гася друг в друге аромат
спаленных нив... Не шелохнутся!
И только нежные японцы
осваивают сопромат.

1986

Из второго письма Артюру Рембо

В промозглый тыл затылка, словно в ад
спускаюсь на канате нежном сна.
Темно и лучше на душе, уютней. Здесь
мой сталактит растет сквозь озеро пустое...

Здесь тишина ночною кухней,
ночною кухонькой лесною, партизанской
мой сад дремучий огораживает - вне
огорода... И чайничек, два раза свиснув,
                                        заскулит,

как верный пес, гулять желая... Полночь.
Я пью ее крученый кипяток,
он цербером свивается в ужа,
встает, грустит... Нам хорошо вдвоем.

И сквознячок-связист мне лапу подает,
и Мысль лошадкой цирковой приходит,

пошатываясь...

И небо в кружке отражается легко.
И дышится, как на вершине мира,

в аду-то...

1989

Рождение Психеи

Плод дерева - яблоко, плод яблока - семечко,
плод семечка - дерево, но если в яблоке червь...

Из первого письма Артюру Рембо

Я это лето в аду провожу,
но какой-то он больно привычный
и заморозком - сомнение:
не это-ли рай?

из цикла „Древнекитайские сласти"

1

Рассматриваю новую звезду. Она большая -
больше лишь была
у Машки с елгавского сахарозавода,
но та была Товарищем, а эта...

Однако, светит очень хорошо.

2

Пыльцы брачный полет зафиксировав,
как фотоаппаратом - памятью очевидца,
боюсь снимки показывать - порнография
запрещена у нас справедливо.

==

из цикла „ Плотницкие стихи„

В. К.

1

Буратинодеревянный поэт
нашел на помойке невесту
березоколоду с
гнилистосучьедуплом.

Трахал ее Буратинолюбил
трахал усерднобезпрезерватива
трахалвкаморкестарогокарла
папашасшарманкой смотрели.

А потом они сгнили, распались на атомы,
а рукописи в очаге
нарисованномвот

спеклиСССЬ.

2

Во мне поношенность какая-то
безумносветлая цветет,
однако
из Колеса не выбраться мне, чую...

А хорошо бы так на пляже поваляться
свободно и под пальмами еще бы
пройтись по улице и с тросточкой в руке
одной в другой зажавши пахитоску

вскочив на автмо˘иль

нестись куда-то вскачь

за птичкой розовой иль там еще зеленой

а то и просто вслед за ветерком

в головушке головке головешке

а то вот нет:

сиди сиди и дум

высоких выше ЧЕМ?

а может даже круче

и выше этих птиц

пропеллеров в моторе

и выше НЛО

а выше Бога нет...

1989

XXX

А-АМУР – МУХОМОР – ПСИХОПАТ
В ФОРМЕ ДРЕВНЕ-АРМЕЙСКОЙ
С КРАСНОЮ ШАПОЧКОЙ ВОЛЧЬЕЙ
С БОРОДАВКАМИ ГЛАЗ
ИЩЕТ БЕССМЕРТЬЕ СВОЕ
КАЩЕЙ-ФАНТОМАС –

Так я хожу по грибы вдоль путей электрички, способной
Переехать любого поэта, боясь опоздать
На шестичасовую.

Дождик противно-приятный мне шепчет о мозга работе успешной,
Поднимается дерево-дуб, размороженной силой играя,
(Ржавые листья его у меня под ногою скрипят),

Лопнула цепь золотая, ненароком прибила сову,
Кот с мухомором ее пожирают усердно...
(Только милых грибов как и прежде, увы, не видать...)

1989

Ничего, кроме

Вот лето кончилось,
как будто и во мне.
Природа губки мокрые надула
перед распадом хлорофилла на
разрозненные дневников страницы и

Несбывшееся....

Решеные отпускные в прищуре пращура-истукана,
коты умываются всласть, пантокрином опившись,
одноногая женщина красит ресницы –

Бог с тобой, говорю, бог с тобой...

Замирание-Точка в Реке Непутевой,
северный веер-сентябрь...

1989

Стихотворение Августа

Еще один год... Погода хуже -
с февраля ходит дождь с рябым лицом,
картавинки пузырей раскидывая,
немецкими деньгами соблазняя женщин.
Мужчины плевали в лужи, пока не объял их ужас.

А когда объял их ужас, они,
объятые ужасом,
побежали ногами вперед,
крича и слепые
к женщинам русским своим
навсегда
окликая их „Эй, хенде хох!"

Но женщины их и не слушали даже,
ведь они стали Фрицы Дождя,
у всех у них членские карточки
и глупости им ни к чему.

1989

Лето, 1989.

Кенарь на дачном окне: конвульсией: в детском:
„Банг - дагга - гаджа„ - будто в плену у плана -
мехом свистящим -

выплавка времени Новаго, клюв. Перевод:
„ медленно медленно медленно тянется время„-

будто стрелкой минутной цитируешь
болотом раздавленного
неопознавая
глаза закатив
замедленно - все
замедлилось трупом
на $\frac{1}{2}$
оборотясь, паралич.
Нервы, нервы кругом
и нервов паралич, труп!

ИЗМЕНЯЯСЬ САМ, ОН ИЗМЕНЯТ НАС.

(Насекомье, толчея подкожная. Вот-вот
прободенье.... Кто)
зрачки умирающим расширяет?
Свет многоваттный (усыхание зон)
свет умывает. И ты закрываешь глаза:

Дедушка ХIХ века рождения
липовый час разливает
с 17-го года - ездык! -

по чашкам болотно-зеленым -
ТВОЙ БЕЗОТКАЗНЫЙ ГОСТЬ-ТРАНКВИЛИЗАТОР -
и крест на линии судьбы
махно-махровый - я:

- Я!
....
Пробуждение. Сов зима.

1989

Ученик – Против – Ветра

Так дети выражаются:
„ На плиточке убийственной своей
украденной
разогреваю зельц за 36 копеек
(всего его 108 килограмм)
до разжижения в бульошку-депресняк:
кармические страхи свиноматок,
наф-нафов и нуф-нуфов и ниф-нифов
божественных – весь-весь судьбой отпущенный брикет –
в кастрюльке-гробике неспешно расползется
словно мозги перепотевший, хе
под ярким солнышком в слепых очках февральских
и мной едомы, переселятся в меня
со смехом сатанинским.
Я стану ульем-трупов-бед
и будд – из каждой клеточки проглоченной! –
и будут фобии трясти меня, как погремушку.
И веки поднимать и опускать.
И за отросток сахарный хватать
н е п р о с в е т л е н н ы й

и будет выворачивать меня:
„янем ьтавичаровые тедуб и„ и т.д.,

но я недаром меда смерти съел
и я (вперед!) не сдамся,
андерграунд....„ .

Так, догадываясь обо всем, выдержав экзамен секретный,
торопился жить, дабы в Школу не опоздать.

1989

XXX

Савве Варящеву

Февраль чернил, февраль-чертеж, не тай,
пусть к небу металлические ярусы
возводит кукловод... Кривую подбирай,
корми пастернаком. Пусть мне он служит парусом

в данном обличии. Зима обмелела,
двоится твоя золотая омела,
увязая по общее горло в карете
вещего дыма. Никто не встретит,
дверцу не распахнет. Вид грядок

п р о б у ж д а ю щ и х с я

провоцирует новый порядок
социальных аминокислот, замыкая эпоху шлюзом
реальности сна, грохоча рифмой-протезом.

1989

x x x

Виктору Ширали

После полуночи
деревья уходят
закрыв ~~глаза~~ лица
черными масками.
Лишь в прорезях
глаза сверкают
металлические.

Сказала ты:
Давай уйдем
из царства этого
и жадности и смерти...
Я тебя слушал, да,
и лист сухой
валился тяжело
как Пушкин на бок.
Пылает осени
пятнистый саксофон
неспешно выводя
широкий звук улета.
Его пластина
белой коброй вьется,
сам по себе
змея и заклинатель.

Звук расширяется,
остыв на высоте,
бессильно падает

кристаллами зимы.../Вот и зима.
И мир уже
не в силах думать, слышать,
вязать в снопы
пустые стебли смысла...
Он по привычке
выроет берлогу
и будет в ней дремать,
питаясь лапой.
И перья белые
не видеть, не мечтать.

...Весна вернется, друг мой,
но другая,
и мы на ней
не будем столь желанны...

В этом юмор данного текста,
да и жизни,
пожалуй.

1980 - 1987